

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО
Институт истории, государства и права
Научно-исследовательская лаборатория «Археология»

ДРЕВНОСТИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
III-II вв. до н. э.

Тирасполь, 2012

а Е.Ф., Симонен-
Весёлой Долины
чной Европы //
нодар. Препринт.

жие дальнего боя
с. № 3. С. 175-186.
о позднескифских
ии (отв. ред. А.И.
-245.

Мечи и кинжалы
ины // Вооруже-
хронология (ред.
к. Изд-во ЮУрГУ.

Сарматские всад-
Нестор-История.

Римский импорт
и. СПб. Нестор-

позднескифских
Сборник статей к
ионенко (отв. ред.

ёт о работе Семё-
экспедции ОАМ
АН Украины. №

тин Л.В., Охотни-
Поднестровья //
орья. Киев. Нау-

полевых исследо-
ической экспеди-
то музея истории

комплексы с ме-
на Южном Урале

ronologie détaillée
ns de 270 a 108 av.
r. Oxford. Oxford

V. Sarmatische
ihden. Philipp von

Pottery. Athenian
elated Material //
NJ. Princeton Aca-

A., Marcenko I.I.,
tischen und maio-
нд Kuban. Archä-
Zabern. 626 s.

Ю.П. Зайцев

Северное Причерноморье в III-II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы)

North Black sea littoral in the III-II centuries B.C.: ritual hoards and archaeological cultures (raising a problem). Ritual/votive hoards are the items of horse harness, weapon, military equipment and metal vessels, found in the barrow mounds, natural hills and the slopes of the beams and not associated with burials.

At the present time on the territory from the Danube to the Volga and the Northern Caucasus about 50 similar complexes were fixed, which are dated in the diapason of the III-I centuries BC.

The analysis of objects of a horse bridle from the hoards demonstrates their relationship with synchronous barbarian monuments of the Lower Dniester region, the Crimea, Taman and the Northern Caucasus. Each of these territories is distinguished by its own specifics of decoration of items of horse harness.

Mapping of the hoards shows that the vast majority of them mark a vast uninhabited territory of the III-II centuries BC, and synchronous funerary complexes frame this territory in the southern sector, being located in the foothill zone and the major rivers.

All the above-mentioned groups of funerary monuments with «hoard» things are characterized by developed horse breeding and the presence in the immediate vicinity of the settlements of considerable size, the specific of which is the expressive concentration of import amphora products.

Basing on the received information and the observations the hypothesis is formulated, according to which the ritual/votive hoards of the Northern Black sea coast could mark the main caravan routes through the uninhabited territory and became the result of the ritual acts, committed in the course of these caravans.

Северное Причерноморье в III-II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы).
Ритуальные/вотивные клады – предметы конской упряжи, оружие, воинское снаряжение и металлические сосуды, обнаруженные в курганных насыпях, естественных возвышенностях и на склонах балок, и не связанные с погребениями.

В настоящее время на территории от Дуная до Волги и Северного Кавказа зафиксировано около 50 подобных комплексов, которые датируются в диапазоне III-I вв. до н. э.

Анализ предметов конской узды из кладов демонстрирует их связь с синхронными варварскими памятниками Нижнего Приднестровья, Крыма, Тамани и Северного Кавказа. Для каждой из этих территорий определена своя специфика оформления предметов конского снаряжения.

Картографирование кладов показывает, что подавляющее их большинство маркирует обширную незаселенную территорию III-II вв. до н. э., а синхронные погребальные комплексы обрамляют эту территорию в южном секторе, располагаясь в предгорной зоне и у крупных рек.

Для всех упомянутых групп погребальных памятников с «кладовыми» вещами очевидно развитое коневодство и наличие в непосредственной близости значительных по размерам населенных пунктов, особенностю которых является выраженная концентрация импортной амфорной продукции.

На основании полученной информации и сделанных наблюдений сформулирована гипотеза, согласно которой ритуальные/вотивные клады Северного Причерноморья могли маркировать основные караванные маршруты через незаселенную территорию и стали результатом обрядовых действий, совершенных во время следования этих караванов.

Ритуальные/вотивные клады или «странные комплексы» – своеобразное явление в археологии Северного Причерноморья эллинистического времени. В большинстве случаев это предметы конской упряжи, оружие, воинское снаряжение и металлические сосуды, обнаруженные в курганных насыпях, естественных возвышенностях и на склонах балок.

В разное время такие находки считались инвентарём разрушенных погребений (Яценко, 1962; Гущина, 1961; 1969; Трейстер, 1992, 44-45), жертвенно-поминальными комплексами (Шукин, 1994, 97-98), связанными с воинским культом (Симоненко 1993, 85-86; 2001, 95; Раев, Симоненко, 2007), специальными ритуальными «маркёрами» завоеванной территории (Дзиговский, Островерхов, 2010, 168), «отчуждёнными» предметами погребального инвентаря (Зайцев, 2007, 258-259).

К настоящему моменту на обширной лесостепной, степной и предгорной территории

от Дуная до Волги и Северного Кавказа может быть зафиксировано около 50 подобных комплексов¹ (рис. 1), и их количество постоянно увеличивается.

Долгое время почти все они связывались с сарматами (Яценко, 1962; Гущина, 1969; Смирнов, 1984, 58-60). Затем значительная часть кладов, найденных в Северо-Западном Причерноморье, была отнесена к поздним скифам (Симоненко, 1982, 243-244; Дзис-Райко, Суничик, 1984, 160), а в одном случае – к кельтам (Трейстер, 1992, 44-45).

Активная разработка проблемы сарматского завоевания Причерноморской Скифии вновь повлекла за собой определение этих находок как сарматских, но с разделением версий на два хронологических «лагеря». Так, одни исследователи определили их в качестве свидетельства сарматского (сиракского) присутствия в Северном При-

¹ Назвать точную цифру затруднительно по причине не всегда ясного контекста находки.

черноморье в III – начале II в. до н. э. (Щукин, 1994, 97; Виноградов, 1999, 77; Яровой, Четвериков, 2000, 16–17; Дзиговский, 2003, 49–64; Лимберис, Марченко, 2005, 166–167; Limberis, Marcenko, 2011, 187). Другие связали феномен таких кладов с событиями Митридатовых войн с соответствующим хронологическим их диапазоном конца II – первой трети I в. до н. э. (Полин, 1992, 64–65; Симоненко, 1993, 90; Симоненко, 2001, 96; Редина, Симоненко, 2003, 85–86; Симоненко 2004, 135–136; 2011, 33; 2012, 81).

В последнее десятилетие возродилась версия о принадлежности этого явления скифскому (позднескифскому, «скифоидному») населению Северного Причерноморья с датировками в пределах III–I вв. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003, 97–98; Зайцев, 2005, 94; 2007, 266–267; 2008, 148–150; Бруяко, 2009, 340).

Как видно, хронологические позиции ритуальных/вотивных кладов, во многих случаях

привязанные к этнополитической истории, до сих пор неоднозначны и демонстрируют значительные расхождения.

Между тем, представляются очевидными два наблюдения, которые, кажется, не противоречат ни одной из гипотез.

Так, в степной и лесостепной зоне Северного Причерноморья нет бесспорных ритуальных кладов с однозначной датировкой IV в. до н. э. Заселенность территории в этот период очевидна – здесь совершаются множество подкурганных захоронений. Вероятные случаи «кладовых» находок этого времени редки и неоднозначны (Болтрик, Савовский, 1991, 98–108).

С другой стороны, в Северном Причерноморье отсутствуют ритуальные клады младше I в. до н. э., когда на этой территории появляются первые курганные могильники носителей среднесарматской археологической культуры (Симоненко, 2004, 158).

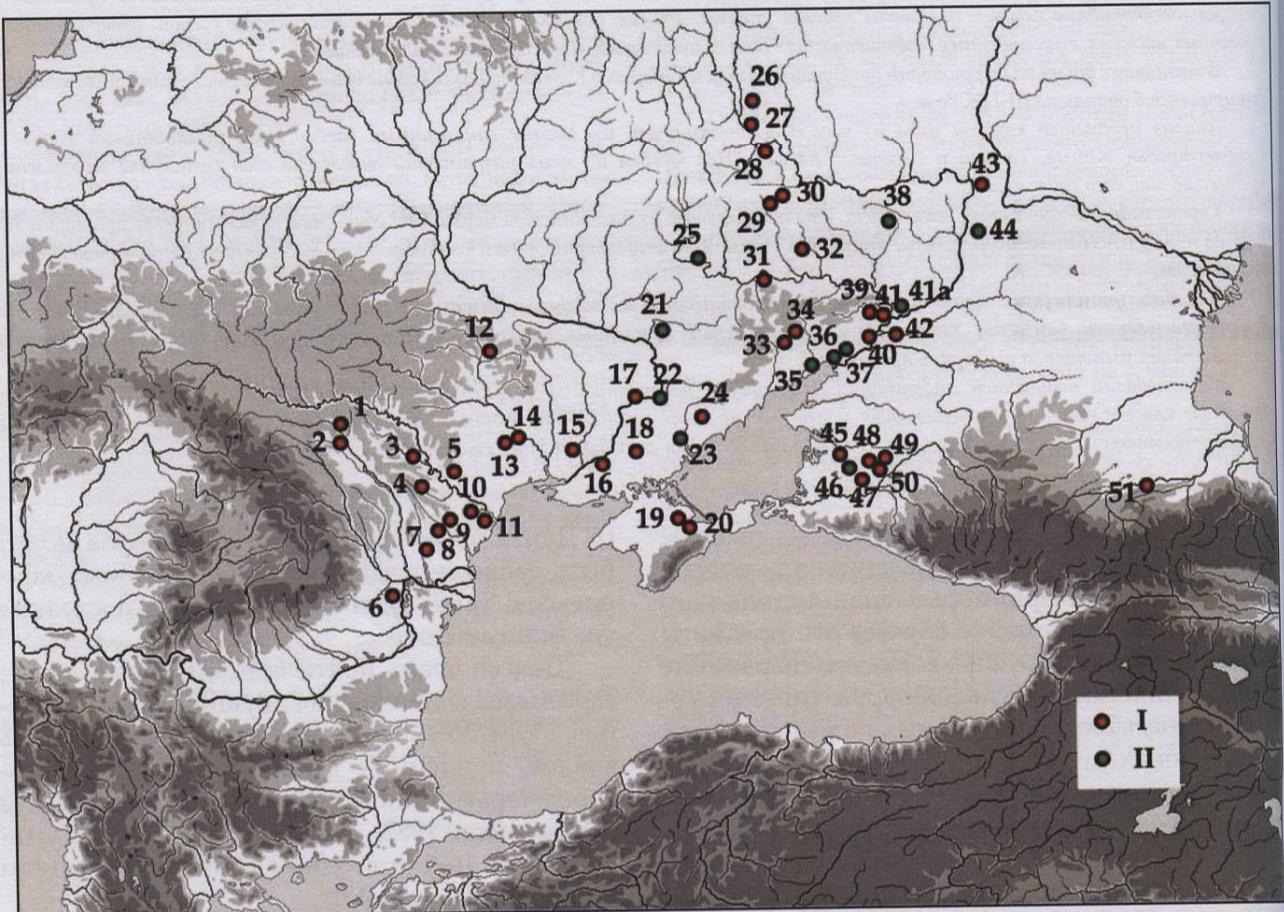

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья с обозначением ритуальных/вотивных кладов. I – ритуальные/вотивные клады III–II вв. до н. э.; II – ритуальные/вотивные клады II–I вв. до н. э. 1 – Новые Бедрахи, 2 – Трушепшть, 3 – Бравичены, 4 – Бубуевъ, 5 – Великоплоское, 6 – Гевани, 7 – Тараклия, 8 – Твардица, 9 – Весёлая Долина, 10 – Семеновка, 11 – Беленькое, 12 – Гордаплевка, 13 – Нововасильевка, 14 – Марьевка, 15 – Снигиревка, 16 – Каменка, 17 – Никополь, 18 – Нижние Серогозы, 19 – Ногайчинский курган, 20 – Новоивановка, 21 – Булаховка, 22 – Приморский, 23 – Янчокрак, 24 – Токмак Могила, 25 – Балаклея, 26 – Усманский курган, 27 – Левая россопч', 28 – Антиповка, 29 – Ездочное, 30 – Клименков, 31 – Приволье, 32 – Старобельск, 33 – Острый, 34 – Квашино, 35 – Таганрог, 36 – Царский, 37 – Недvigовка, 38 – Рестумов, 39 – Новопрохоровка, 40 – Красный, 41 – Грушевский, 41a – Веселый, 42 – Федулов, 43 – Качалинская, 44 – Жутово, 45 – Роговская, 46 – Бойко Понура, 47 – Пластуновская, 48 – Верхний (3 клада), 49 – Сергиевская, 50 – Кореновск, 51 – П-е Ханкальское городище

истории, до-
мрут значи-

видными два противоречат

оне Северно-
ритуальных
IV - по 10

IV в. до н. э.
период очевид-
но, полкруган-

подкурган-
и «кладовых»
однозначны

и Причерно-
ды моложе I
и появляются
ителей сред-
туры (Симо-

При этом большинство кладов относится к III – первой половине II в. до н. э.² (рис. 1/1); в этот период на основной «кладовой» территории практически отсутствуют захоронения.

Меньшая часть кладов относится ко второй половине II – I в. до н. э. (рис. 1/II), когда на «кладовой» территории известны немногочисленные одиночные впускные подкурганные захоронения «раннесарматского» облика (Симоненко, 2004, 158).

Отсюда очевиден первый вывод: ритуальные/вотивные клады характерны в основном для незаселенной территории.

Анализ самих кладовых комплексов показывает, что их главный, диагностирующий компонент - предметы конской узды³ (Зайцев, 2007, 147-148), а состав кладов позволяет разделить их на две основные группы. Первая группа в различных комбинациях демонстрирует только элементы конского снаряжения. Во второй группе они скомбинированы с предметами вооружения (наконечники стрел, копий и дротиков) и воинского снаряжения (шлемы, панцирь, поясная гарнитура), а также с металлическими и предположительно деревянными сосудами.

Такая ситуация дает основание сформулировать второй вывод: в кладах ведущее место занимает символическое транспортное средство – верховой, выочный или упряжной конь. На втором месте – легковооруженный воин-всадник плюс «трофейные» вещи западного происхождения (шлемы и ситулы).⁴

Расположение мест находок ритуальных кладов на карте показывает ещё несколько примечательных моментов.

- места находок значительной части ритуальных/^{вотивных} кладов образуют две отчётливые зоны их концентрации - в Северо-Западном Причерноморье (**рис. 1/1-11,13**) и в низовьях Дона, на его правом берегу (**рис. 1/34-42**).⁵

- ещё несколько кладов соединяют две упомянутые территории условной «цепочкой», ориентированной по линии запад – восток и в целом повторяющей изгибы береговой линии Чёрного и Азовского морей (рис. 1/14, 15, 18, 24).

- другая очевидная «цепочка» ориентирована по направлению север - юг и расположена в восточной части «кладового» ареала (Приазовье - Среднее Подонье) (рис. 1/26-31).

- Несколько выразительных кладов составляют выразительную локальную группу в Прикубанье (рис. 1/45-50).

- Крайние восточные и западные места находок кладов зафиксированы на противоположных берегах крупных рек (Прут и Дунай на западе, Волга - на востоке) (рис. 1/2, 6, 43, 44).

Сопоставление основных «кладовых» составляющих – деталей конской узды – с синхронными погребальными комплексами демонстрирует очевидное совпадение западной группы кладов с захоронениями Тираспольской группы (Яровой, Четвериков, 2000, 16-19; Дзиговский, 2003, 49-64; Зайцев, 2007) (рис. 2/1), а восточной – с находящимися к югу и востоку памятниками типа некрополей Тенгинского, IV Новолабинского (Беглова, 2002; 2008; 2009; Раев, Беспалый, 2006) (рис. 2/13) и Татарского (Кудрявцев и др., 2000) (рис. 2/14) городищ.

Для каждой из упомянутых территорий определена своя специфика оформления предметов конского снаряжения (Зайцев, 2009, 138).

Северо-Западное Причерноморье представлено налобниками с петлей, крючком и секировидной лопастью, С-видными псалиями нескольких вариантов, полусферическими («перстневидными») бляхами, специфическими разновидностями крестовидных насадок/псаллиев, гладкими плоскими фаларами и нащёчниками с геометрическими, антропоморфными и зооморфными изображениями, а также обоймами-колечками.

Северный Кавказ и клады юго-восточного ареала маркированы крупными налобными пластинами, нашёчниками и нагрудными украшениями с пуансонным и циркульным орнаментом, стержневидными псалиями и кресто-видными насадками/ псалиями.

Элементы «кладовой» узды из Приазовья и Среднего Подонья обладают своими особенностями, но при этом не составляют устойчивых серий. Вместе с тем многие находки отсюда сопоставимы с экземплярами, характерными для двух предыдущих регионов (Северо-Западного Причерноморья и Северного Кавказа).

Два основных упомянутых ареала встречаются «кладовой» узды в захоронениях дополняются ещё несколькими погребальными комплексами, расположенными за их пределами (рис. 2Л).

Один из них – захоронение воина с конём в кургане у с. Чистенькое в центральном Крыму (Зайцев, Колтухов, 2004) (рис. 2/8), которое демонстрирует сочетание «западных» и «восточных» признаков.

Другой комплекс - погребение в кургане Хамуш-Оба (Донецкая область) (рис. 2/2), в котором обнаружены характерные наконечники ко-

² Согласно хронологическим разработкам автора.

³ Мне известны всего два исключения, надежно зафиксированные во время раскопок: Приволье (шлем в скоплении обгоревших камней) и Новоивановка (спекшийся комок железных втульчатых и одного бронзового наконечников стрел в ямке на вершине кургана).

⁴ Данный тезис требует специальной разработки.

⁵ В определённой степени это согласуется с «западной» и «1-й восточной» группами по А.В. Симоненко (2004, 156).

Причертноморского контакта. Здесь разительна логичность другой картике. Ра Сахара ми туарегов краям.

Туарегов единственны сформировавшие различные скотоводческие также грабительские добытчики.

Основные разведенные земли, охраняющие отказываясь получившиеся и

Для передвижения земледелию, до

Туареговнейшей передвижения регская ревалюты Аира, Таджила трансграничной 240-250 km. Being Таджикистана

В таких маркированных незаселенных претираний совершаются Специальные «действия для таможника».

Безопасность из Таджикистана Востока поддерживается Берегом IV-II века

ческого мира

нальных претендентов на (Зайсан)

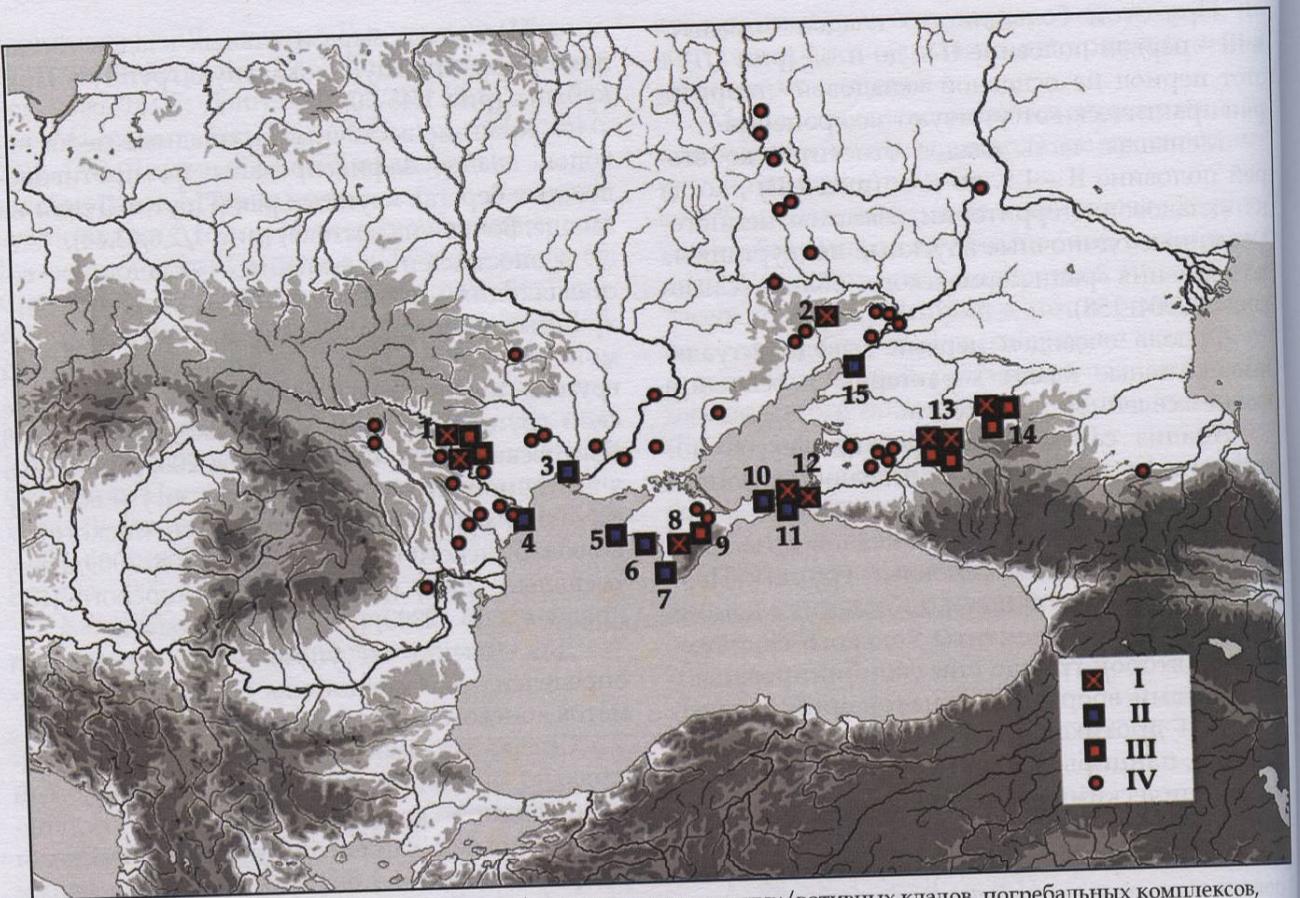

Рис. 2. Карта Северного Причерноморья с обозначением ритуальных/вотивных кладов, погребальных комплексов, основных варварских городиц и поселений, греческих городов. III – первая половина II вв. до н.э. I – погребальные комплексы с «кладовыми» предметами III – первой половины II в. до н.э.; II – варварские городища и поселения III – первой половины II в. до н.э.; III – крупнейшие греческие города III – первой половины II в. до н.э.; IV – ритуальные/вотивные клады III-II вв. до н.э. 1 – Тираспольские курганы, поселения Чобручи, Красное; 2 – Хамуш Оба, 3 – Ольвия, 4 – Тира, 5 – Калос-Лимен, 6 – Керкенитида, 7 – Херсонес, 8 – Чистенъкое, 9 – Ак-Кая, 10 – Пантикопей, 11 – Фанагория, 12 – Васюрина гора, Зеленский курган, Буерова могила, 13 – Новолабинское городище и некрополь, 14 – Грушевское городище и некрополь

пий, пластинчатый крюк, железные и бронзовые наконечники стрел (Кравец, 1992).

Третий пример – захоронения типа Васюриной Горы, Буеровой могилы, Зеленского кургана (рис. 2/12), принадлежавшие, как считается, элитной варварской знати Азиатского Боспора.⁶

Таким образом, для значительной части Северного Причерноморья III-II вв. до н. э. может быть реконструирована обширная незаселенная территория,emarkированная ритуальными/вотивными кладами. Синхронные и сопоставимые с ними погребальные комплексы «точечно» обрамляют эту территорию в южном секторе, расположаясь в предгорной зоне и у крупных рек (рис. 2/1).

Для всех упомянутых территориальных групп погребальных памятников с «кладовыми» вещами (Тираспольские курганы; Северный Кавказ, Крым) очевидно развитое коневодство и наличие значительных по размерам населенных пунктов, особенностью которых является выра-

⁶ К сожалению, до сих пор опубликованные только частично (Ростовцев, 1925, 290-295, 550; Полин, 1992, 58-59, 63-65, Шаров, 2008; Симоненко, 2011а).

женная концентрация импортной амфорной продукции – поселения Чобручи и Красное (Никилицэ, Фидельский, 2004; Синика и др., 2012) (рис. 2/1), городище Ак-Кая/Вишненное (рис. 2/9), Грушевское и Татарское (Кац, 2002, 249-253; Прокопенко, 2005, 349-355) (рис. 2/14).

Для двух базовых территорий, на которых наиболее выразительно проявилась подобная ситуация (Приднестровье и Северный Кавказ) характерны свои «шлейфы» кладов, идущие как навстречу один другому, так и уходящие во «внешний» мир – соответственно на север, запад и восток.

Вместе с тем, во многих пунктах «кладовой» территории присутствуют однотипные или даже одинаковые предметы (зооморфные и С-видные писалии, крестовидные насадки, удила с витыми и квадратными в сечении звеньями), во многих случаях разделенные расстояниями в сотни километров.

Подобные наблюдения могут свидетельствовать о том, что каждая из территориальных групп контролировала и «эксплуатировала» свою часть «пустынных», незаселенных земель Северного

Причерноморья и при этом непосредственно контактировала с другими.

Здесь кажется уместным привести одну выразительную этнографическую параллель. Аналогичная организация территории известна в другой точке земного шара – в Северной Африке. Расположенная здесь обширная пустыня Сахара издавна заселена мобильными группами туарегов, образующими зону обитания по её краям.

Туарегов обычно характеризуют как воинственных кочевников, однако их общество сформировалось и существовало как система различных хозяйственно-культурных типов: скотоводов-номадов, земледельцев оазисов, а также группы потомственных ремесленников и добытчиков соли.

Основные традиционные занятия туарегов: разведение верблюдов, овец и коз, торговля солью, охрана одних караванов и набеги на другие, отказавшиеся от их защиты. Всю необходимую сельскохозяйственную продукцию туареги получали от оазисных земледельцев, находившихся под их покровительством.

Для туарегов были характерны циклические передвижения, во время которых они снабжали земледельческие народы Западного Судана солью, добываемой зависимыми от них людьми.

Туарегское общество развивалось на ближней периферии городской цивилизации, а туарегская знать владела городами – важными перевалочными торговыми пунктами (Тадмекка, Аира, Томбукту, Шингит и др.), контролировала транссалярские караванные пути (Лот, 1989, 240-250; Норрис, 1990, 371-374; Bernus, 1993; Art of Being Tuareg, 2006).

В такой реконструкции ритуальные/вотивные клады Северного Причерноморья могли маркировать⁷ основные пути сообщения через незаселённую территорию, и могут быть интерпретированы как результат обрядовых действий, совершенных во время следования караванов.⁸ Специфика же их состава отражает основных «действующих лиц», «поставщиков» предметов для таких обрядов – коня и воина – «караванщика».

Литература

Беглова, 2002 – Беглова Е.А. Предметы конского убora из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. Вып. 3. (отв. ред. Носкова Л.М.). М. Изд-во Государственного музея Востока. С. 157-168.

Беглова, 2008 – Беглова Е.А. Парадный конский набор IV-II вв. до н. э. из Предкавказья и Украины // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах

⁷ Разумеется не в прямом смысле, а в качестве «археологического» индикатора.

⁸ Такая постановка вопроса ставит под сомнение поминальный и заупокойный характер кладов, а также их интерпретацию в качестве «отчужденного» погребального инвентаря (Зайцев, 2007, 267-268).

Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа) (отв. ред. А.В. Маstryкова). Владикавказ. ИПЦ СОИГСИ. С. 41-45.

Беглова, 2009 – Беглова Е.А. Новые исследования могильника 4-го новолабинского городища // Пятая кубанская археологическая конференция. Мат-лы конф. (ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 11-14

Болтрик, Савовский, 1991 – Болтрик Ю.В., Савовский И.П. Курган Плоская Могила // Курганы степной Скифии. (отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Буняташ). Киев. Наукова думка. С. 98 -108,

Бруяко, 2009 – Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. № 3. 2005-2009. С. 329-369.

Виноградов, 1999 – Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (свообразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н. э.) // Hyperboreus: studia classica. Vol. 5. Fasc. 1. S. 56-82.

Гущина, 1961 – Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области // СА. № 2. С. 241-246.

Гущина, 1969 – Гущина И. И. Янчокракский клад // МИА. № 169. Древности Восточной Европы. С. 43-52.

Дзиговский, 2003 – Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днестровских земель. Одесса. Гермес. 239 с.

Дзиговский, Островерхов, 2010 – Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. № 3. С. 145-174.

Дзис-Райко, Суничук, 1984 – Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов из с. Великоплоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. И.Т. Черняков). Киев. Наукова думка. С. 148-161.

Зайцев, 2005 – Зайцев Ю.П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвёртая Кубанская археологич. конф. Тез. и докл. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 88-94.

Зайцев, 2007 – Зайцев Ю.П. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2 (ред. М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В. А. Хршановский). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 258-268.

Зайцев, 2008 – Зайцев Ю.П. Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III – I вв. до н. э. Хронология и культурная принадлежность // Древнее Причерноморье. Вып. VIII (отв. ред. И.В. Немченко). Одесса. «Фридман А.С.». С. 146-151.

Зайцев, 2009 – Зайцев Ю.П. Предметы конской упряжи III – I вв. до н. э. в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (сравнительный анализ) // Мат-лы Пятой кубанской археологич. конф. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 134-139.

Зайцев, Колтухов, 2004 – Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в Предгорном Крыму // БИ. Вып. VII.

Зайцев, Мордвинцева, 2003 – Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3. С. 61-99.

Кац, 2002 – Кац В.И. Комплекс родосской клеймёной керамической тары с Грушевского городища // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Мат-лы междунар. науч. конф. Часть 1 (ред. М.Ю. Вахтина,

- В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 249-253.
- Кравец, 1992** – Кравец Д.П. Раскопки кургана в урочище Хамуш-Оба (Северное Приазовье) // Донецкий археологический сборник. Вып. 2. (отв. ред. В.А. Посредников). Донецк. Изд-во Донецкого государственного университета. С 160-180.
- Кудрявцев и др., 2000** – Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов конского убранства позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // Донская археология. № 2. С. 40-47.
- Лимберис, Марченко, 2005** – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Пластиначатые налобники из Прикубанья // Четвёртая Кубанская археологич. конф. Тез. и докл. Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 162-167.
- Лот, 1989** – Лот А. Туареги Ахагтара. М. Наука. 265 с.
- Никулицэ, Фидельский, 2004б** – Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chișinău – Vadul lui Vodă. 6-11 September 2004. (ed. I. Niculită, A. Zanoci, M. Băță). Chișinău. Cartdidact. P. 190-216.
- Норрис, 1990** – Норрис Г.Т. Коренное население Сахары // Сахара (ред. В.М. Неронов, В.Е. Соколов). М. Прогресс. С. 371-374.
- Полин, 1992** – Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев. Типография ФНПУ. 201 с.
- Прокопенко, 2005** – Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь. Изд-во Ставропольского государственного университета. 819 с.
- Раев, Беспалый, 2006** – Раев Б.А., Беспалый г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Краснодар. Изд-во ЮНЦ РАН. 109 с.
- Редина, Симоненко, 2002** – Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца 2 – 1 вв. до н. э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2 С. 78-96.
- Ростовцев, 1925** – Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Петроград. Типография 1-й Ленинградской Трудовой Артели Печатников. 621 с.
- Симоненко, 1982** – Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии (ред. А.И. Тереножкин). Киев. Наукова думка. С. 237-245.
- Симоненко, 1993** – Симоненко А.В. Клады снаряжения всадника 2-1 вв. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая Кубанская археологич. конф. Тез. докл. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 89-90.
- Симоненко, 2001** – Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенько и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. Вып. 4. С. 92-106.
- Симоненко, 2004** – Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии (ред. И.И. Марченко, М.Г. Мощкова, Б.А. Раев). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 134-173.
- Симоненко, 2009** – Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. Нестор-История. 328 с.
- Симоненко, 2011** – Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. Нестор-История. 272 с.
- Симоненко, 2011а** – Симоненко А.В. Конский убор из большого кургана Васюриной горы // Боспорский феномен. Население, языки, контакты (ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, Н.К. Жижина, С.В. Иванов, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В. А. Хршановский). СПб. Нестор-История. С. 598-602.
- Симоненко, 2012** – Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко (отв. ред. А.В. Симоненко). Киев. КН.Т. С. 73-88.
- Симоненко, Раев, 2007** – Симоненко А.В., Раев Б.А. «Странные комплексы»: от эпохи латена до могилы Неизвестного солдата // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть 2 (ред. М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 268-272.
- Смирнов, 1984** – Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. Наука. 184 с.
- Синика и др., 2012** – Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. 2012. № 3. С. 187-215.
- Трейстер, 1992** – Трейстер М. Ю. Кельти в Північному Причорномор'ї // Археологія. № 2. С. 37-50.
- Шаров, 2008** – Шаров О.В. О конских погребениях большого кургана Васюриной горы // БИ. Вып. XXII. С. 283-323.
- Шукин, 1994** – Шукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. Фарн. 323 с.
- Яровой, Четвериков, 2000** – Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 3-28.
- Яценко, 1962** – Яценко И. В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА. Вып. 89. С. 42-52.
- Art of Being Tuareg, 2006** – Art of Being Tuareg: Sahara Nomads in a Modern World (ed. Th. Seligman, K. Loughran). Los Angeles. 291 p.
- Bernus, 1993** – Bernus E. Les Touareg // Vallées du Niger. Paris. Éditions de la Réunion des Musées Nationaux. P. 162-171.
- Limberis, Marcenko, 2011** – Limberis N.Ju., Marcenko I.I. Bronzener Blessenschmuck frühskytischer Zeitstellung aus dem Kubangebiet // Eurasia Antiqua. Band. 17. S. 177-187.